

А. Н. Чистиков

Донести до читателя: ленинградская пресса 1950–1960-х гг. о зарубежных поездках советских туристов

С середины 1950-х гг. количество советских граждан, получивших возможность посетить другие страны, стало заметно увеличиваться по сравнению с предшествующими десятилетиями. Толчком к этому послужило постановление ЦК КПСС «Об организации поездок советских граждан за границу», принятое 3 января 1956 г.¹ По возвращении туристам рекомендовалось делиться своими наблюдениями и впечатлениями о путешествии², в том числе на страницах массовых и специализированных газет и журналов.

В «Ленинградской правде» и «Вечернем Ленинграде» появились рубрики «Из путевого блокнота», «Из записной книжки туриста» и другие, в которых печатались статьи ленинградских туристов о зарубежных путешествиях. При их изучении сразу обнаруживается разница в восприятии советскими туристами социалистического и капиталистического миров. Заметки о посещении Болгарии, ГДР, Чехословакии и других стран народной демократии, как их тогда называли, носят почти всегда положительный характер. Лишь иногда путешественники подмечали недостатки у своих друзей, но объясняли их наследием буржуазного строя или войной. Во всех статьях красной нитью проходила мысль об искренней заинтересованности правительств и народов этих государств в дружбе и сотрудничестве с СССР³.

¹ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 13. Д. 36. Л. 10.

² ГАНУ. Ф. Р-3765. Оп. 3. Д. 1. Л. 28.

³ См., например: Вечерний Ленинград. 1956. 7 мая; Ленинградская правда. 1958. 4 июля; и др. Другое, не столь однозначное впечатление от путешествий по странам народной демократии получали советские туристы, если судить по отчетам руководителей туристских групп. Такие отчеты за 1960–1962 гг. сохранились в профсоюзном фонде в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Иная картина вырисовывается при чтении статей советских туристов о буржуазных странах. Бросается в глаза присутствие в тексте как положительных, так и отрицательных характеристик. Случайно это или закономерное?

Попытаемся ответить на этот и другие вопросы, проанализировав содержание нескольких случайно выбранных статей. Возьмем, к примеру, статью доцента Ленинградской высшей партийной школы Д. П. Прицкера⁴, который в составе делегации Ленсовета в июле–августе 1958 г. посетил ряд французских городов, включая Париж. В своем рассказе автор нередко использует прием противопоставления хорошего и плохого при характеристике парижской жизни: «Вечерами Париж особенно хорош. Дефекты давно не ремонтировавшихся домов в это время не видны»; «Витрины магазинов оформлены с большим вкусом <...> Но нам бросилось в глаза, что во многих магазинах почти не бывает покупателей. Высокие цены делают товары недоступными». Несколько раз Прицкер акцентирует внимание читателя на интересе или особом отношении французов к советскому: шофер экскурсионного автобуса «старался показать <...> все возможное и невозможное», а когда автобус застрял на узких улочках Монмартра, прогуливающиеся парижане охотно пришли на помощь; французские трудящиеся чтят мемориальные места, связанные с именем В. И. Ленина. На этом фоне крайне негативно показаны даже не французские буржуа, как это можно было бы предполагать, а... американцы. Они не хотят выучить даже несколько французских слов, пытаются прикурить от Вечного огня, не совсем в приличном виде заявляются на богослужение в церковь. Даже настоящий Париж для многих «заокеанских (не просто зарубежных! — А. Ч.) туристов» — это «Мулен Руж» и Пляс Пигаль.

Активно использует прием противопоставления и другой советский турист — журналист Я. М. Пановко, участник автопробега по городам Финляндии летом 1958 г. Его репортаж был опубликован в «Ленинградской правде»⁵. Похвалив высокоразвитое молочное животноводство и современные жилые дома, автор тут же напоминает читателю о том, что не всем эти дома по карману и что «безработица» для финнов «не мертвое слово, как у нас». Упомянув об увольнении сотен судостроителей в Турку, Пановко тотчас приводит слова финнов о том, что советские заказы спасают Финляндию. Присмотрев,

⁴ Ленинградская правда. 1958. 2 сентября.

⁵ Ленинградская правда. 1958. 24–26 сентября.

что финны рано ложатся спать и уже в полночь на улице ни души, туристы не оставили без внимания и то обстоятельство, что утром на улицах много пешеходов и велосипедистов, так как проезд в трамвае дорог. Нашлись у журналиста добрые слова для хороших дорог и ирония для рекламы. Досталось и американцам, причем не только от советских автотуристов; критика была вложена даже в уста пожилого финна, который признался туристам, что дружба с вами — это мир и процветание, а союз с США — в конечном счете, война. Интерес к СССР проявляется не только в беседах и встречах, но и в популярности советских автомашин в Финляндии.

Обращает на себя внимание явная антиамериканская направленность этих статей. О том, что это не исключение, может свидетельствовать еще одна путевая зарисовка: статья известного советского шахматиста М. Е. Тайманова об Исландии⁶. По наблюдению автора, жители этой страны — трудолюбивые люди, которые не просто приспособились к непростым условиям, но подчинили себе гейзеры: «Нам показывали зреющие помидоры, цитрусы, ананасы, виноград. Нас угощали бананами прямо с дерева! И это неподалеку от Полярного круга...». Вновь звучит тема о повышенном интересе местных жителей к Советскому Союзу: его культуре и искусству, спорту и быту. Исландцы, как и финны, охотно раскупают советские «Победы» и «Москвичи». Единственное, что неприятно в этой островной стране, — американские базы. Впрочем, к этому времени Исландия уже приняла решение о их ликвидации, и простые исландцы, уверяет автор, приветствовали действия правительства.

Заметок и путевых записок, содержащих критику американцев, немало. Объяснение стоит искать в характере советско-американских отношений в те годы: они были достаточно напряженными. Но все равно «притягивание» американцев к тем впечатлениям, которые туристы получали в европейских государствах, выглядит по меньшей мере странно и как-то искусственно. Эта критика шла действительно от самих путешественников или за их спиной стояли некие «редакторы»? Отложив пока ответ на этот вопрос, попробуем ответить на другой: сказывалась ли политическая ситуация на текстах путевых заметок?

Обратимся вновь к статье Тайманова, но уже к другой: «В Париже», которая была опубликована в «Вечернем Ленинграде» через

⁶ Вечерний Ленинград. 1956. 19 мая.

два дня после репортажа об Исландии⁷. Небольшая по объему, она состоит как бы из двух частей. В первой — восхищение парижскими достопримечательностями, во второй — зарисовки современной столичной жизни: целующиеся парочки на пешеходных переходах, летние кафе на тротуарах под тентами, овощные и фруктовые базарчики на улицах. Никакой антиамериканской направленности, никакой классовой борьбы. И лишь внимательное прочтение текста разрушает поистине идиллическую картину жизни Парижа середины 1950-х гг. Упомянув о площади Согласия, автор пишет: «Она буквально наводнена машинами. Это центр аристократического Парижа». Уже знакомый метод противопоставления использован в следующем отрывке: «Жизнь в Париже бьет ключом от рассвета до рассвета. В аристократических районах она заканчивается под утро (ночные клубы, рестораны, кабаре), а в рабочих кварталах с первыми лучами солнца она начинается». Итак, если не о классовой борьбе, то о классовом расслоении читатель все же узнает. И машины, и рестораны, и кабаре — все это для богатых. Но отчего такая завуалированность, по сравнению с достаточно откровенной статьей Д. П. Прицкера? Можно допустить, что таков стиль автора, но, на наш взгляд, более существенным является здесь другое обстоятельство. Только что закончились переговоры между СССР и Францией, и заявление о их результатах было опубликовано на первой странице того же номера «Вечернего Ленинграда», равно как и сообщение о пребывании министра иностранных дел Франции К. Пино в Ленинграде. Стоило ли в такой ситуации публиковать не очень благоприятные впечатления о Франции? По всей видимости, нет.

Широкое использование метода противопоставления, частая антиамериканская критика и в то же время регулирование доли критики «язв капитализма» в зависимости от политической ситуации заставляет поставить два вопроса: все ли свои впечатления ленинградские туристы доносили до читателя и все ли из донесенных впечатлений принадлежали самим путешественникам?

В какой-то степени ответы на эти вопросы можно было бы получить при сравнении черновых вариантов статей, предназначенных для публикации, с опубликованными текстами. К сожалению, в нашем распоряжении нет черновики уже проанализированных статей, но есть тексты других публикаций, также посвященных впечатлениям

⁷ Вечерний Ленинград. 1956. 21 мая.

советских туристов от посещения некоторых буржуазных стран Европы.

В октябре 1957 г. «Ленинградская правда» опубликовала статью своего редактора М. С. Куртынина о поездке в Гамбург⁸ в составе группы депутатов Ленсовета. Прием противопоставления, о котором мы уже говорили, и здесь используется достаточно широко. Отмечая высокий уровень занятости в городе, автор тут же поясняет, что это — «результат широкого применения ручного труда». Магазины, замечает Куртынин, изобилуют товарами, но не покупателями, поскольку продукты питания, равно как квартира и ее отопление, дороги. Эти сведения стали козырем и в дискуссии между немецкими портовыми рабочими и депутатом Ленсовета литейщиком Лягиным об уровне жизни в СССР и ФРГ. Однако автор учитывает, что их пригласил Гамбургский сенат, поэтому в статье обозначено противоречие между политикой федерального правительства, «послушного американскому диктату», и более разумной и деловой политикой самого сената, между позицией президента сената и федерального канцлера.

Черновик статьи, отложившийся в одном из петербургских архивов⁹, в целом соответствует опубликованному тексту, но ряд исправлений носит не просто редакционный характер. К примеру, в чистовом варианте появился абзац об утомительной и назойливой рекламе. Надо отметить, что реклама (именно агрессивная, назойливая, раздражающая, порой алогичная) в журналистских репортажах присутствовала часто и, главным образом в силу именно таких характеристик, отмечалась как одна из язв капитализма. Но самыми замечательными оказались исправления в следующей фразе: «Планировка квартир удобна, хотя комнаты повсюду крохотные, а при высоте потолка в 2,5 метра они скорее напоминают пароходную каюту, чем комнату». После редактирования комнаты превратились в «очень крохотные комнатки», а потолок высотой в 2,5 метра в низкий потолок. Последнее изменение красноречиво. В советских «хрущевках» высота потолка была тоже 2,5 метра, поэтому получалось, что и они напоминают пароходные каюты.

Еще больше пострадал от корректировки текст, подготовленный коллегой Куртынина редактором газеты «Вечерний Ленинград» Г. Ф. Кондрашевым. Его статья была опубликована в двух

⁸ Ленинградская правда. 1957. 27 октября.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 21. Л. 18–30.

номерах этого издания на две недели позже¹⁰. Кондрашев входил в состав делегации Ленгорсовета, отправившейся в Хельсинки по приглашению столичного муниципалитета. Используя ту же методику противопоставления, автор с воодушевлением описывает новое жилищное строительство Хельсинки, приводящее к тому, что «пространство света» преобладает над застроенной площадью», удивляется буквальной прозрачности коммерческих зданий, построенных из стального каркаса и стекла, и тут же признается, что «невозможно без удивления думать о состоянии нервов людей, которым приходится работать в такой стеклянной клетке». Возражение у него вызывает и планировка квартир с кухней посередине, что вынуждает жильцов «все время “наслаждаться” запахом блюд, приготовляемых на кухне». Отметив значительный поток на столичных улицах личного автотранспорта, среди которого много и советских автомашин, Кондрашев сразу же переходит к особенностям жизни Хельсинки — массовому использованию велосипедов, так как «плата за проезд в такси дорогая, да и в трамваях она не очень низка». Автора впечатляет реалистическое финское искусство, выставленное в музее Атенеум, а чувство безразличия вызывают «абстрактные кубики и квадратики художников-формалистов» и работы прочих «уродцев от искусства». В статье нет антиамериканских выпадов, но значительное место отведено советско-финляндским связям через общество «Финляндия — СССР», что, по мнению автора, должно было свидетельствовать о заметном интересе финнов к Советскому Союзу и жизни простых советских граждан.

Выявление характера вставок в первоначальный текст¹¹ и удаленных из него фрагментов обнаруживает интересную вещь: в отличие от статьи Куртынина, редактирование которой было направлено все же на усиление отрицательных характеристик западногерманского общества, в статье Кондрашева после редактирования доля положительных характеристик финляндского общества даже немного возрастает. Кондрашев хвалит хорошее политехническое образование в Финляндии, отмечает наличие детских садов и яслей, говорит о большом внимании муниципалитета к вопросам здравоохранения, правда, тут же оговариваясь, что медицинская помощь для населения платная и она недостаточна. Появляются вставки об

¹⁰ Вечерний Ленинград. 1957. 13, 14 ноября.

¹¹ Черновой вариант текста статьи см.: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 21. Л. 38–49.

обилии зелени в Хельсинки, которое создает с высоты впечатление, что «жилые кварталы врубались в огромный зеленый массив». В чистовом варианте статьи относительно подробно и с долей юмора рассказывается об активной борьбе финнов с алкоголизмом¹², зато из статьи исчезает абзац о спортивных пристрастиях жителей Суоми, многим из которых был положен специальный недельный «лыжный отпуск». Примеры можно продолжать, но гораздо важнее ответить на вопрос: почему в данном случае неизвестный редактор или редакторы не усиливали негативную часть впечатлений. Возможно, дело, частично, в особом статусе Финляндии, которой Советский Союз отводил роль образцового партнера в политике мирного сосуществования. Не случайно во вводной части окончательного текста статьи Кондрашева тезис о дружественной стране повторен дважды. Кроме того, тематика некоторых вставок была созвучна с проблемами, которые существовали и требовали разрешения и в Советском Союзе. Зарубежный опыт, о необходимости перенимания которого говорили партийные документы, был здесь кстати.

Итак, сравнение черновых вариантов некоторых статей с опубликованными текстами обнаруживает наличие правки, порой искажающей авторское мнение. При этом правка не всегда преследовала цель усилить негативное впечатление от страны посещения. Кто являлся автором изменений, сказать трудно, но можно предположить, что это мог быть и сам автор, и редактор, учитывавшие указания, поступающие от партийных органов, органов цензуры и других организаций.

В целом можно сделать вывод о том, что ленинградские (и, видимо, другие советские) туристы на страницах местной прессы рассказывали не обо всех своих впечатлениях, а порой и не только о своих. Как позитивные, так и негативные характеристики зарубежья являлись не всегда отражением взглядов только авторов, но также различных редакторов (порой безымянных). Все это вызывалось политическими и идеологическими причинами, наличием цензуры и самоцензуры и некоторыми другими обстоятельствами.

¹² «Здесь установлен своеобразный порядок продажи алкогольных напитков. Водка, например, не продается просто так: зашел в магазин и купил, сколько захотелось. Там этот напиток получишь только в том магазине, к которому прикреплено твое специальное, с фотокарточкой удостоверение. Говорят, что такой документ выдается после соответствующего разрешения врача. При этом, как нам приходилось слышать, требуется также в каждом конкретном случае и санкция жены» (Вечерний Ленинград. 1957. 14 ноября).